

Тем временем раны Куна постепенно заживали.

Сяо Аньчунь не понимал, что травы на планете зверолодей не только были больше, чем на Земле, но даже их эффективность была в десять раз выше, чем на Земле. Он никогда не ожидал, что рана, которую он считал абсолютно непобедимой без антибиотиков, на самом деле заживет, оставив только розовый шрам.

Сяо Аньчунь был в восторге. Он записал медицинский процесс на доске с углем и бережно хранил его в большом сундуке. Это был сундук, который Сноу сделал для него. Дерево было очень гладким, а мастерство было не хуже, чем у современного плотника. Важно было знать, что когти отступающего зверя были даже острее скальпеля.

Кун осторожно коснулся своих шрамов. В его глазах не было благодарности Сяо Аньчуню, но он также потерял много обиды. В конце концов, Сяо Аньчунь заботился о нем последние несколько дней, и он был очень внимателен. Но он все еще не верил, что Сяо Аньчунь вылечил его, думая, что это результат божественной крови, но это сработало слишком поздно, прежде чем Адди успел это увидеть.

При мысли об Адди его сердце смягчилось. Но как раз в тот момент, когда он собирался попроситься с Сяо Аньчуном, он услышал рев Сноу внизу, и незнакомый голос ответил, казалось бы, приветствуя Сноу.

Здесь были другие зверолоды? Разве это были не только Сяо Аньчунь и Сноу?

Он думал, что Сяо Аньчунь отдал себя отброшенному зверю в обмен на защиту, чтобы выжить в дикой местности. На самом деле, он втайне смотрел свысока на это самоуничужение. Но внезапно он вспомнил, что была еще одна самка, которая унизила себя, отдавшись зверю, и на его лице появилось выражение понимания. Неудивительно, что здесь было два дома, построенных на деревьях, здесь жила еще одна пара.

Честно говоря, ему очень понравился этот "домик на дереве". Здесь было суше, чем в пещере, и воздух был лучше, быстро унося любые неприятные запахи. Кроме того, здесь было много странных, но удобных вещей. Если бы только он мог вернуть племени знание о том, как строить эти вещи. Просто взглянув на это, он понятия не имел, с чего начать.

Кун тайно придумал план и, увидев, как взволнованно убегает Сяо Аньчунь, немедленно последовал за ним. Двое мужчин соскользнули по веревочной лестнице и увидели, как к ним медленно приближается сильный на вид золотой лев и самка в набедренной повязке из рыбьей кожи на спине.

"Лови". - Самка лучезарно улыбнулась и накинула кожаный мешок.

Сяо Аньчунь поспешно поймал его, а когда открыл, то внезапно взорвался от радости, прыгая и визжа, как сумасшедший.

Это соль, ах! Такая тяжелая, не меньше пятидесяти килограмм! Достаточно, чтобы продержаться долго-долго, бог-мужчина действительно совершенен.

Сноу тоже был очень взволнован, он набросился на Сяо Аньчуня, облизывая его щеки и плечи, его глаза были полны нежности. Кун смотрел на это взаимодействие между человеком и зверем, испытывая дискомфорт по какой-то неизвестной причине. Он чувствовал, что Сяо Аньчунь больше не зависел от него, как раньше, и он также больше не рассказывал ему сбивающие с толку истории.

Теперь у Сяо Аньчуня был Снег. Какими бы непонятными ни были его слова, Сноу всегда внимательно слушал и кивал. Он не мог ответить, но его понимание было тем, в чем Сяо Аньчунь нуждался больше всего. Сяо Аньчунь с каждым днем все больше и больше привязывался к нему и перенес энтузиазм, который он раньше испытывал к Куну, на Сноу.

Племя всегда высмеивало Куна из-за одержимости им Сяо Аньчуня, поэтому в его сердце было немного горько из-за этого. Но он быстро подавил это странное чувство и шагнул вперед, приветствуя только что вернувшуюся самку. Чтобы иметь возможность купить такой большой мешок соли сразу, другая сторона была ужасно продуктивной. Чтобы изучить метод строительства дома на дереве и разгадать секреты этой пары, ему придется остаться здесь еще немного.

Кун косвенно расспросил Чжоу Юньшэна о том, как они получили так много красных кристаллов и сколько красных кристаллов понадобилось, чтобы купить так много соли, его глаза светились постоянным лукавым светом.

Чжоу Юньшэн всегда считал, что человеческая природа склонна ко злу. Если бы человеческая природа была от природы доброй, не было бы необходимости формулировать так много этических законов, ограничивающих человеческое поведение. Аборигены планеты зверолодей все еще жили в нецивилизованном состоянии, но их эгоистичные желания не уступали современным людям. Напротив, они были еще более прямолинейны и распутны в своих желаниях. Убийство после небольшой ссоры было чрезвычайно распространенным явлением, и даже съесть своих соплеменников из-за голода здесь не было немыслимым. Такой зверочеловек, как Кун, который с трудом скрывал свои истинные намерения дружеской улыбкой, был довольно редок.

Его маскарада было недостаточно, чтобы обмануть Чжоу Юньшэна и Чжао Сюаня, но этого было более чем достаточно, чтобы обмануть Сяо Аньчуня. К сожалению, Чжоу Юньшэн был очень неприветлив, и Сяо Аньчунь не сопровождал их, поэтому он не мог предоставить никакой информации. Кун неоднократно спрашивал их, наконец остановившись после того, как заметил, что золотой лев злится всякий раз, когда он приближается к этой загадочной самке, его глаза наполняются убийственным намерением.

Под домиками на деревьях была построена простая кухня с плитой. Четыре деревянные балки поддерживали крышу, и все четыре балки были обмотаны веревкой, на них висела соленая рыба, которую принес Чжоу Юньшэн. Запах вызывал экстаз. Чжоу Юньшэн и Чжао Сюань зевнули и ушли, но Сяо Аньчунь стоял под крыльцом и шмыгал носом, выражение его лица было очень опьяненным.

“Я не знал, что раса водяных торговала соленой рыбой. Почему бы нам сегодня не поесть соленой рыбы и жареных баклажанов?”, - Сяо Аньчунь сжал кулаки.

“Что такое баклажан?”, - с любопытством спросил Кун.

Жизнь Сяо Аньчуня, выжившего в дикой местности, оказалась неожиданно комфортной, она не была такой рискованной и голодной, как Кун себе представлял. Их пища была обильной, на самом деле они ели даже лучше, чем все племя. У них было так много ингредиентов, о которых он даже никогда не слышал, и было ясно как божий день, что Сяо Аньчунь никогда не испытывал дружеских чувств к племени, вплоть до того, что он скрывал свои знания. При мысли об этом глаза Куна слегка потемнели.

“Баклажаны - это то, что вы, ребята, называете фиолетовыми фруктами, ах. Я сказал Адди, что

это съедобно, но Адди настаивал, что это ядовито, и не позволил мне его сорвать. Он также разорвал мою сумку и раздавил все мои фиолетовые фрукты”.

Вспомнив этот неприятный инцидент, живот Сяо Аньчуня наполнился негодующим огнем, и он произнес: “Есть еще помидоры, то, что вы называете красными фруктами. Их тоже можно есть, и они великолепны на вкус! Но Адди также решил, что они ядовиты. Он каким-то образом нашел тайник, который я тайно подобрал, и распустил обо мне мерзкие слухи. Он настаивал на том, что я планировал отравить воинов, и требовал, чтобы меня выгнали. Я съел один, чтобы он увидел, но он все еще не верил мне, утверждая, что мне просто повезло, что я не умер”.

Племя Баян все еще находилось в стадии совместного распределения продовольствия. Добыча, которую приносили самцы, и плоды, собранные самками, были сложены вместе и распределены старым шаманом и вождем. Поскольку шаман слабел с возрастом, Адди взял на себя некоторые из его обязанностей. Он глубоко завидовал Сяо Аньчуню и не хотел, чтобы внимание другого затмевало его собственное. Поэтому, даже когда он знал, что Сяо Аньчунь говорит правду, он отказывался признавать это и вдвойне не позволял членам племени попробовать это. Это только доказало бы, что суждение Сяо Аньчуня было правильным, и заслужило бы ему уважение и доверие всех.

Тем не менее, он также тайно запомнил продукты, на которые указал Сяо Аньчунь, планируя показать их членам племени после того, как он убьет Сяо Аньчуня, чтобы они вместо этого поклонялись ему. Это также помогло бы ему успешно унаследовать положение старого шамана. Все эти запутанные схемы были за пределами способностей Сяо Аньчуня, и Кун еще больше не хотел допускать эти мысли.

В глубине души Адди был добрым, честным и любящим, он был идеален. Каждое его действие было на благо племени, в нем не было эгоизма. Если бы еду действительно можно было есть, он бы никогда не заблокировал Сяо Аньчуня и абсолютно никогда не заставил бы племя Баян думать, что фиолетовые и красные фрукты были ядовитыми. Неужели они все ошибались? Невозможно, так что ошибаться мог только Сяо Аньчунь. Адди остановил его, чтобы спасти все племя.

Думая так, он защищал Адди: “Наши предки жили здесь сотни лет, разве ты не знаешь, сколько людей погибло после того, как случайно съели фиолетовый плод и красный плод? Эти фрукты действительно ядовиты, ты не должен пытаться съесть их снова. Плод не был полностью созревшим, поэтому яд был слабым, вероятно, поэтому ничего не произошло, когда ты ел его в последний раз. Сяо Аньчунь, ты всегда валяешь дурака вместо того, чтобы работать как следует; тебе действительно стоит поучиться у Адди”.

Кто-то умер, потому что съел баклажаны и помидоры? Было ли это обычной комедией?

Губы Чжоу Юньшэна скривились, его глаза были полны презрения. Он знал, что в природе, чем ярче фрукт и чем необычнее его форма, тем больше вероятность того, что он будет токсичным. Предки племени Баян, вероятно, использовали эти знания, чтобы судить, можно ли есть фрукты. Они твердо верили, что баклажаны и помидоры ядовиты, и, чтобы предупредить будущие поколения, они, естественно, сочинили несколько пугающих легенд, таких как “Такой-то умер после того, как съел это, вы не должны есть это ах!” и так далее. Эти слова передавались из поколения в поколение, и доверие к ним укреплялось из поколения в поколение до такой степени, что никто не осмеливался их проверить.

Естественно, предкам можно было доверять больше, чем какой-нибудь самке неизвестного происхождения. Люди племени Баян были очень близки с предками. Они даже тестировали

тускло окрашенный, непритязательно выглядящий сладкий картофель на кроликах в течение трех месяцев, прежде чем разрешить его есть. Мягко говоря, люди племени Баян были очень осторожны. Выражаясь невежливо, они судили обо всех по своим собственным стандартам. И теперь, если Кун был каким-либо признаком отношения остальной части племени, вы могли бы добавить 'неблагодарный' к этому описанию.

Почему их называли племенем Баян? Не было ли более уместным называть себя "неблагодарным племенем"? Видя, как Сяо Аньчунь дрожит от гнева из-за слов Куна, Чжоу Юньшэн улынулся и сказал: "Отлично, так что сегодня вечером мы будем есть соленую рыбу и жареные баклажаны. Давайте также сорвем несколько помидоров, пусть каждый попробует, в любом случае, мы не боимся смерти".

Услышав его сарказм, Кун позеленел. Сяо Аньчунь ухмыльнулся и весело взял с собой Сноу, чтобы выкопать дикие овощи. Он знал, что бог-мужчина отличался от других, особенно своим хорошим вкусом.

Кун чувствовал себя очень угрюмым, предупреждая: "Не верь всему, что говорит Сяо Аньчунь. Он немного странный. Ему всегда нравилось дарить людям ядовитые вещи. Я помню, как однажды он вскипятит миску черной воды и заставил одного из детей племени выпить ее. Он сказал, что это излечит его болезнь. В результате у ребенка три дня и три ночи был понос, он чуть не умер. Если бы Адди и старый шаман не вступились за него, Сяо Аньчунь был бы убит разгневанными родственниками".

Объяснения этого было достаточно, если бы у этой самки были хоть какие-то мозги, он не должен был легко поверить словам Сяо Аньчуна. Сяо Аньчунь был печально известным нарушителем спокойствия. Казалось, что через день новый член племени придет жаловаться на него, крича, что они собираются убить его. Вспомнив "великие достижения" Сяо Аньчуна, Кун покачал головой и мрачно вздохнул.

Но Чжоу Юньшэн, казалось, совсем не понял его предупреждения. Он даже расхохотался. Чжоу Юньшэн мог представить себе сцену, когда Сяо Аньчунь был окружен разъяренной толпой после очевидной попытки помочь им. Это было слишком комично. Этот ребенок действительно был неуклюжим. Чжао Сюань тоже дважды фыркнул, но в его глазах не было подозрения, только веселье.

Кун не понимал, что в этом такого смешного. Разве его предупреждение не было вопросом жизни и смерти? Сяо Аньчунь вернулся как раз вовремя, чтобы услышать его клевету. Его глаза были явно затуманены, и он долго не двигался, пока Сноу не подбежал и не шлепнул его по заднице. Он прошел в простую кухню и повесил сумку.

"Это был не яд, это было спасительное лекарство, почему ты мне не веришь? У ребенка был сильный запор. Он не какал больше месяца. Кожа у него была желтоватая, лицо в пятнах, живот распух и стал твердым, как камень. Если бы он не выпустил фекалии, он бы умер. Хочешь верь, хочешь нет, но я объясняю это в последний раз. Кроме того, мужской бог верит мне, верно?" - Он посмотрел на бога-мужчину большими, полными надежды глазами.

Чжоу Юньшэн все еще улыбался, он отмахнулся от Сяо Аньчуна, сказав: "Что ты делаешь, я ждал, когда ты вернешься и начнешь готовить".

Это предложение стоило тысячи слов, Сяо Аньчунь громко крикнул "Хорошо", радостно усакавав вместе со Сноу.

Кун решил, что больше не будет пытаться предупредить эту группу сумасшедших людей. В

любом случае, он никогда не ел еду Сяо Аньчуня и никогда не будет есть. Для справки, чтобы Сяо Аньчунь не отравил их, самки племени отказались подпускать его к костру, пока они готовили. Если бы он не представил племени съедобные корнеплоды, компенсируя все свои хлопоты, его бы уже исключили.

“Я собираюсь на охоту”, - Кун сломал ветку и заострил передний конец, чтобы сделать копье.

Чжао Сюань внезапно взревел, выражение его лица было очень недовольным.

Чжоу Юньшэн старательно перевел: “Племя Баян не разрешается охотиться на моей территории, либо уходи, либо лишишься жизни”.

Нежное выражение лица Куна мгновенно стало холодным, он сердито крикнул: “Так это ты управляешь армией зверей в восточном лесу!”.

Чжао Сюань взмахнул хвостом, откинув Куна в несколько метров от себя. К счастью, у зверолодей-самцов была очень жесткая кожа. После столкновения с огромным деревом и падения на землю, за исключением кровавой раны на лбу, серьезных травм не было. Он использовал копье, чтобы приподняться, его яростное выражение лица сменилось ужасом.

“Или уходи, или лишишься жизни, ты можешь выбирать”, - терпеливо повторил Чжоу Юньшэн. Он всегда снисходительно относился к тем, кто всем сердцем искал смерти.

Кун быстро овладел своими эмоциями и сказал: “Прости меня, я тебя обидел. Меня уже бросило племя. Мне некуда идти. Я не хочу умирать или уходить, я хочу остаться. Пожалуйста, прости меня”. - Сказав это, он упал на колени, сложив руки и прижав лоб к тыльной стороне ладоней, выполняя жест покорности.

Этот человек был не только бесстыден, но и проницателен. Может стоять в полный рост в одну минуту, а в следующую кланяться и подчиняться, как талантливо.

Чжоу Юньшэн усмехнулся, а затем увел своего глупого льва отдохнуть в домик на дереве.

Кун долго стоял на коленях. Когда он убедился, что пара больше не собирается его прогнать, он медленно встал, его красивое лицо исказилось в ненавистном выражении.

Если бы Сяо Аньчунь не соскреб божественную кровь, как бы он мог пасть до такой степени, что его вышвырнуло племя? Он даже не знал, кто взял на себя его обязанности и стал вторым партнером Адди. Если он хочет вернуть Адди, ему нужно внести какой-то важный вклад в племя.

Поскольку самка смогла принести столько соли, у него не должно быть недостатка в красных кристаллах. Если он сможет раздобыть красные кристаллы и способ строительства домов на деревьях, он сможет с гордостью вернуться в племя. Подумав так, Кун сразу же успокоился и направился к ближайшему озеру. В деревянной хижине висело так много соленой рыбы. Казалось, что рыба была главной пищей для этих людей. Он всегда мог поймать и съесть несколько рыбок.

Рыбное мясо было колючим, оно воняло, и оно всегда закупоривало ему горло. Если только он не умирал с голоду, Кун никогда не ел эту дрянь. Он никогда не ожидал, что ему придется полагаться на это, чтобы прожить один день. Он шел, ругаясь себе под нос, обиды в его сердце становились все глубже и глубже. Он прошел мимо ручья, который теперь был эквивалентен входу в запретную землю, глядя на далекий утес, где он раньше жил, все больше и больше

приходя в ярость.

Если бы этот золотой лев не пришел сюда, восточный лес все еще был бы территорией племени Баян. Почему они должны были посылать своих драгоценных самок в обмен на право охотиться в северном лесу? Почему они сейчас воюют с племенем Дада? Если бы только он мог убить этого льва. Кун опустил глаза, скрывая непреодолимое намерение убить.

Но он знал, что не сможет убить золотого льва в одиночку. Он мог только перехитрить его. Подумав об этом, его глаза слегка просветлели, и он внезапно улыбнулся. Разве они не полностью доверяли Сяо Аньчуню? Тогда ему нужно было только стоять в стороне, пока Сяо Аньчунь подавал им пурпурные фрукты и красные фрукты.

После того, как они все будут отравлены, он сможет обыскать их домики на деревьях в поисках красных кристаллов и соли, а затем вернуться к Адди с двумя драгоценными трофеями.

Чем больше Кун думал об этом, тем прекраснее выглядело будущее, и его шаги становились намного легче.

<http://bllate.org/book/14189/1250588>